

2. Дирр А. М. Рутульский язык / А. М. Дирр // Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа. – Тифлис, 1912. – Вып. 42.
3. Дирр А. М. Глагол в кавказских языках. Эргативная конструкция предложения / А. М. Дирр; под ред. Н. А. Кондрашова. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 17-33.
4. Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности / Г. А. Климов. – Москва, 1973.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва : Языки рус. культуры, 1996.
6. Падучева Е. В. Ещё раз о генитиве субъекта при отрицании / Е. В. Падучева // ВЯ. – 2005. – № 5. – С. 84–99.
7. Падучева Е. В. Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность / Е. В. Падучева // Материалы Международной конференции «Диалог – 2008». – Режим доступа: www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/htm/64/htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Тариева Л. У. Клитики как показатели именных классов в ингушском языке / Л. У. Тариева. – Назрань, 2012.
9. Russell B. An inquiry into meaning and truth / B. Russell. – London, 1940.

References

1. Apresjan Ju. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira // Semiotika i informatika. Moscow, 1986, issue 28, pp. 5–33.
2. Dirr A. M. Rutul'skij jazyk // Sbornik materialov dlja opisanija mestnostej plemen Kavkaza. Tiflis, 1912, issue 42.
3. Dirr A.M. Glagol v kavkazskih jazykah. Jergativnaja konstrukcija predlozhenija / ed. by N. A. Kondrashov. Moscow, Inostrannaja literatura Publ., 1950, pp. 17–33.
4. Klimov G. A. Oчерk obshhej teorii jergativnosti. Moscow, 1973.
5. Paducheva E. V. Semanticheskie issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke. Semantika narrativa. Moscow, Jazyki rus. kul'tury, 1996.
6. Paducheva E. V. Eshhe raz o genitive subekta pri otricanii // VJa, 2005, № 5, pp. 84–99.
7. Paducheva E. V. Rezhim interpretacii kak kontekst, snimajushhij neodnoznachnost' // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog – 2008». Available at: www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/htm/64/htm.
8. Tarieva L. U. Klitiki kak pokazateli imennyh klassov v ingushskom jazyke. Nazran', 2012.
9. Russell B. An inquiry into meaning and truth. London, 1940.

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИССИПАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЯЗЫКЕ

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: zolotyhlg@yandex.ru.

Представляется фразеологический фрагмент языковой картины мира как диссипативная система, что предопределяется синтезом порядка и хаоса, который осуществляется посредством диссипации культурной информации в языке.

Ключевые слова: фразеологический фрагмент языковой картины мира, фразеологическая семантика, диссипативная система

TO THE PROBLEM OF RESEARCH OF DISSIPATION OF CULTURAL INFORMATION IN THE LANGUAGE

Zolotykh Lydiya G., Doctor of philological, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: zolotyhlg@yandex.ru.

A phrase fragment of the language world picture as a dissipative system is presented, which is predetermined by a synthesis of order and chaos, which is carried by the dissipation of cultural information in the language.

Keywords: phrase fragment of language world picture, phraseological semantics, dissipative system

Понятие «диссипация» (лат. dissipation – ‘рассеивание’) имеет лингвистическое толкование: 1) диссипация энергии – ‘переход энергии упорядоченного движения (напр. энергия электрического тока) в энергию хаотического движения частиц (теплоту)’; 2) диссипация атмосферы – ‘постепенное улетучивание газов атмосферы (Земли, других планет и космических тел) в окружающее космическое пространство’. В современной науке широкое научное поле применения диссипация нашла в физике, хотя зародилась в биологии и напрямую связана с теорией диссипативных структур.

Структура как способ организации элементов и характер связи между ними не учитывает природу элементов. Фундаментальность самоорганизующейся материи обусловлена наличием пространственно-временных структур, виды которых достаточно разнообразны (пространственные, временные, логические, звуковые, числовые). Образование любой структуры решает, с одной стороны, проблему установления порядка, а с другой стороны, требует единой методологии описания процесса установления такого порядка. Термин «диссипативная структура» введён Ильей Пригожиным (1967 г.) как результат развития собственных внутренних неустойчивостей в системе. Диссипативные структуры, имея открытый характер, сочетают порядок с хаосом и способствуют ускорению процесса «самоорганизации».

Творческая интерпретация отдельных фрагментов и элементов концептуальной картины мира, осмысление их структурных взаимосвязей осуществляется на уровне языкового сознания, формирующего языковую картину мира. Фразеологическая картина мира как совокупность репрезентантов базовых концептов лингвокультуры, связанных с этнокультурными константами менталитета, может быть представлена как фразеологический фрагмент языковой картины мира. При изучении фразеологического фрагмента языковой картины мира нетрудно заметить способность фразеологической семантики к объективированию культуры народа в её развитии.

Понимание самого феномена культуры, выявление её семиотических свойств и признаков, начиная с XVIII века, связано с деятельностью человека, его знаниями, верованиями, искусством, законами, моралью, обычаями – способностями и привычками, обретенными человеком в системе социокультурных отношений. Культура есть «совокупность внегенетически (ненаследственно) приобретенной ценностно-смысловой информации, способов её семиотической (знаково-символической) организации, хранения и передачи от поколения к поколению» [1, с. 16]. В то же время культура, непрерывно нарушая нормы и традиции, получает жизненную силу в новациях, проявляя свои эволюционные способности.

Диссипация культурной информации в языке, которая осознанно или неосознанно воспроизводится носителями языка, употребляющими фраземы в определённых ситуациях, с определёнными интенциями и с определённой эмотивной модальностью, посредством одной реплики, стимулирует смысловую реализацию фразеологического значения. К примеру, фразема *показать кузькину мать* к о м у – ‘зробо-прост. Выражение угрозы’ – с лёгкой руки, а точнее, языка, Никиты Сергеевича Хрущёва после выступления на сессии ООН (23 сентября 1960) стала известна всему миру. Однако переводчик Хрущёва интерпретировал выражение на английский язык как «мать Кузьмы», чем озадачил не только американскую прессу: кто такая эта мать, почему она столь страшна, там было неведомо. Образ Кузькиной матери действительно вызывает «широкий круг ассоциаций: "ядовитость", бедность, неряшливость и неловкость» [5, с. 169], вместе с тем народная память хранит и представление «о реальной Кузькиной матери» как персонаже веселых народных частушек [5, с. 168]. Фразеологическое толкование данного выражения даёт восемь интерпретаций, иллюстрируя различные историко-этимологические методы [2, с. 422–423].

Когнитивно-дискурсивные исследования показывают, что в языке фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет.

Фразеологические единицы предназначены для выражения эмоциональных, моральных, этических реакций и в этом плане крайне близки собственно «культурным» знакам, архетипам культуры, главное свойство которых состоит в возбуждении в нас гаммы ассоциаций. Собственно знаки культуры строятся на характеристическом переосмыслении ситуаций из конкретной или иллюзорной, вымышленной жизни восходят к общим местам, устойчивым ситуациям из мифологической, бытовой, трудовой сфер. Например, удивление – состояние, которое обычно воспринимается эмоционально, т.к. связано с непониманием вследствие нарушенного контакта. Недаром в характеристиках удивившегося возникают параллели инвективного характера, где осуждение основывается на сопоставлении с животным, например, фразама **как ба-ран на новые ворота** – ‘недоуменно, тупо, не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (уставился, смотрит и т.п.)’. Это исключительно крестьянское выражение, так как содержит указание на привычки животных: животное, привыкшее к определённому облику хозяйского двора, действительно, не узнаёт обновившиеся ворота. И то же самое в нем. *etv. ansehen wie die Kuh das neue Tor, as 'n Oos vr 't niede Schndor stahn* – разглядывать что-либо ‘как корова новые ворота, стоять, как бык перед новым сараем’ [4, с. 16–17].

Когнитивно-дискурсивный подход к фразеологической семантике позволяет не только рассмотреть фразеологическое значение в динамическом аспекте, но и определить его когнитивные, культурные, прагматические и другие особенности, обусловленные интенсивностью диссипации, что связано с функционально-семантической интенсивностью фраземики, то есть с активностью и широтой употребления фразем, кодифицированных иokkaзиональных в языковой системе.

Открытость фразеологического фрагмента языковой картины мира подтверждается активным использованием фраземики представителями разных социальных групп, о чём свидетельствуют, например, многочисленные интернет-сайты, на каждом из которых можно найти в достаточном количестве примеры контекстуального употребления различных косвенно-производных единиц. К примеру, следующее эмоциональное высказывание В.В. Путина уже несколько лет является объектом как обыденного обсуждения, так и научного анализа: *Российские самолёты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились. ...Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту – в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, в туалете поймает, мы и в сортире их замочим, в конце концов. Всё, вопрос закрыт окончательно* (ТВ, 24 сентября 1999 г.).

Ценностный показатель у всех разный и проявляется в процессе смысловой реализации фразеологического значения. Ср.: 1. *Бендер выдал мальчику честно заработанный рубль. – Прибавить надо, – сказал мальчик по-извозчичы. – От мёртвого осла уши. Получишь у Пушкина* (Ильф и Петров. Двенадцать стульев) и 2. *Мы не будем вести переговоры на платформе каких-либо территориальных претензий. Не Пыталовский район они получают, а от мёртвого осла уши* (Путин на встрече с коллективом «Комсомольской правды», говоря о претензиях Латвии на Пыталовский район. 23.05.2005).

Ядром фразеологического фрагмента языковой картины мира является фразеологический образ мира как систематизированная совокупность образов, через которые осознаётся как сам мир, так и характер ценностей, особенности миропонимания, оценка событий, объектов отражённой действительности. Фразеологический образ мира стимулирует формирование смысла, которое начинается на психическом уровне до языка и речи, когда человек видит вещи, двигается среди них, накапливает «в памяти всю сенсорную информацию, которая поступает в

анализаторы. Только в этих условиях принимаемая слухом речь с самого начала обрабатывается как знаковая система и интегрируется в акте семиозиса» [3, с. 83].

Обращение к информации о тех средствах, которые распределяют когнитивно-дискурсивный опыт по архетипам культуры, упорядочивая тем самым на подкорковом уровне ценностно-смысловую структуру этноязыкового сознания, позволяет исследовать дискурсивные стимулы формирования фразеологической семантики, которые выделяются в масштабах дискурсивного пространства как смыслового поля дискурса и мотивируют реакцию человека, закрепившуюся в структуре фразеологического значения в смысловых элементах.

Так, анализ структурно-семантического соотношения инокультурного компонента в формально-смысловой структуре инокультурной фраземы позволил М.Л. Хохлиной сделать вывод о формировании семантики инокультурных фразем в дискурсивных пространствах «чужой» культуры, не теряя связи «с косвенно-производным номинированием объектов, функционирующих в пределах "своей" культуры». Так, когнитивно-дискурсивным стимулом возникновения фраземы *итальянская забастовка* является конкретный исторический факт. В 1904 г. итальянские железнодорожники применили новый способ борьбы против эксплуатации со стороны хозяев: они не прерывали работы окончательно, а бастовали, работая медленнее и небрежнее, чем обычно. В результате хозяевам было труднее подавить такую «холодную стачку». Первоначально заимствовался сам способ забастовки, получивший соответствующую атрибуцию *итальянский*, на следующем этапе устойчивое сочетание *итальянская забастовка* подвергается десемантизации и приобретает статус идиоматического, развивается фразеологическое значение 'небрежная, медленная работа'. <...>Тогда с марта 2010 года депутат объявил «*итальянскую забастовку*»: заходил в здание Администрации края в дни сессий ровно в 9 часов, в результате чего на несколько минут опаздывал к началу заседания, – отметили в пресс-службе депутата [6, с. 101].

Способность влияния посредством фразематики на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности, проявляется через функцию трансляции фразеологического образа мира. Разные призмы мировидения, отражённые в сознании и репрезентированные в речи фраземами, свидетельствуют о том, что фразеологический образ мира через концепты, вербализованные фраземами, хранится в менталитете народа или отдельных его социальных групп и передаётся из поколения в поколение. Представление фразеологического фрагмента языковой картины мира как диссипативной системы определяется её устойчивым состоянием, а синтез порядка и хаоса, который осуществляется диссипативной системой, предопределяет упорядоченную структуру фразеологического фрагмента любой языковой картины мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Academia, 2002. – 394 с.
2. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. – 926 с.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 159 с.
4. Золотых Л. Г. Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики / Л. Г. Золотых // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. : филол. науки. – 2006. – № 3 (16). – С. 15–20.
5. Мокиенко В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Паритет, 1999. – 224 с.
6. Хохлина М. Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «Своего» и «Чужого» во фразеологической парадигме / М. Л. Хохлина. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 141 с.

References

1. Alefirenko N. F. Poetic power of speech. Synergetics of the language, consciousness and culture. Moscow, Academia, 2002. 394 p.
2. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russian phraseology: historical and etymological dictionary. Moscow, Astrel, AST, Luxe, 2005. 926 p.
3. Zhinkin N. I. Speech as a guide of information. Moscow, Science, 1982. 159 p.
4. Zolotykh L. G. Semiotics of culture and formation of phraseological semantics // News of the Volgograd State Pedagogical University. St. Petersburg, Philology science, 2006, № 3 (16), pp. 15–20.
5. Mokienko V. M. Deep sayings : stories about the origin of winged words and figures of speech. St. Petersburg, Parity, 1999. 224 p.
6. Hohlina M. L. Ontology of the cultural – cognitive analysis of "Own" and "Foreign" in the phraseological paradigm. Astrakhan, Publishing House "Astrakhan University", 2011. 141 p.

ИНГУШСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ-КАЛЬКИ

Киева Зуфира Хаджибикаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева, 386000, Республика Ингушетия, г. Магас, пр. Зязикова, 4, e-mail: orstok@mail.ru.

В статье проведено подробное исследование лексических, словообразовательных и фразеологических калькированных языковых единиц ингушского языка, образованных под непосредственным влиянием русского языка.

Ключевые слова: кальки, калькирование, лексические кальки, словообразовательные кальки, фразеологические кальки

INGUSH LINGUISTIC TERMS TRACING-PAPERS

Kieva Zufira H., candidate of Philology, the senior research associate of department of the Ingush language, Ingush research institute of humanitarian researches after C. Akhriyev, 386000, Republic Of Ingushetia Magas Zyazikov Ave., 4, e-mail: orstok@mail.ru.

In article detailed research of lexical, word-formation and phraseological traced language units of the Ingush language formed under direct influence of Russian is conducted.

Keywords: tracing-papers, tracing, lexical tracing-papers, word-formation tracing-papers, phraseological tracing-papers

К основным способам образования новых лингвистических терминов из словообразовательных ресурсов ингушского языка относится *калькирование* – создание нового слова по семантической или словообразовательной структуре языка-прототипа.

Калькирование в ингушском языке необходимо рассматривать с учётом экстралингвистических факторов, принимая во внимание то, что кальки, как и все заимствования, – это результат языкового и культурного взаимовлияния. Процессы калькирования слов обуславливаются в наибольшей степени такими условиями, как степень развития лексического уровня контактирующих языков и их деривационных возможностей. Ингушский язык, входя в ареал русской культуры, как и многие другие естественные языки, квалифицируется как открытая для заимствований структура, поэтому в ингушском языке наблюдается высокий процент различных видов калькирования.

В лингвистической литературе отмечены разные точки зрения на отношение калек к заимствованиям.

По мнению Л.П. Ефремова, слова-кальки не относятся к заимствованиям, «ибо калькирование занимает промежуточное положение между исконной и заимствован-